

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

Persona Nota: Алексей Саврасов (1830-1897)

*« ...есть Боголюбов, и барон Клодт, и Шишкин. Но всё это -
деревья, вода, и даже воздух, а душа есть только в «Грачах»»
Иван Крамской*

Алексей Саврасов - художник большого дарования и трагической судьбы. В историю русской живописи он вошел как создатель русского лирического пейзажа, полного грусти и любви к России.

Алексей Саврасов закончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Он подавал большие надежды, его работы хвалила дочь государя, великая княгиня Мария Николаевна. Преподавал в училище, писал картины, имел учеников, коллеги его ценили. Вошел в правление Товарищества передвижных художественных выставок, стал кассиром-распорядителем его московского отделения. Совершил тур по Европе, вместе с женой побывал на Всемирной выставке в Лондоне, повидал Париж, задержался в Швейцарии.

Биография вполне обычная для художника. Однако, почему Алексей Саврасов изменил букву в отцовской фамилии? Чем она ему не нравилась?

Зачем совет училища решил у него, академика живописи, отобрать казенную квартиру? Отчего это распоряжение было воспринято Саврасовым как оскорбительное?

Зачем он снял дорогую квартиру, стоившую семьсот рублей в год, если знал, что уже через несколько месяцев договор придется расторгнуть?

Какие отношения связывали художника с **Исааком Левитаном** и **Константином Коровиным**? Что значили в его судьбе женские имена **Софьи Карловны Герц** и **Екатерины Матвеевны Моргуновой**?

Почему размеренную жизнь в Ярославле он считал миражом? По какой причине его оставила жена?

Отчего Саврасов, художник огромного дарования, жил как птица небесная, скитался по дешевым квартирам и ночлежкам, беспробудно пил и, жалуясь на жизнь, говорил:

«Всем чужие мы, и своим я чужой... Дочерям чужой. Кругом темный, страшный подвал, и я там хожу...».

Что означали его слова: *«... я полюбил горе. Полюбил унижение».*

Как так получилось, что Алексей Саврасов, создатель русского пейзажа, умер в больнице для бедных? И догадывался ли он при жизни о том, что картина «Грачи прилетели» станет главной работой его жизни?

Вот на все эти вопросы и попробуют ответить читатели «Фолианта» вместе с библиотекарями в ходе литературного расследования.

Итак...

Пятьдесят картинок - вот тебе и корова!

Алексей Саврасов вырос в мещанской семье. Его отец, **Кондратий Артемьевич Соврасов**, торговал то газетом, то шнуром и кистями и никак не мог пробиться в купцы третьей гильдии. Саврасовым будущий художник станет позже - отцовская фамилия звучала чересчур простонародно.

С детства мальчик любил рисовать, но папаша бумагомарания не одобрял: ему хотелось, чтобы Алешка пошел по торговой части. Но рукоприкладством Кондратий Артемьевич не грешил, был рассудителен и отходчив.

На Никольской, там, где расположились ряды книготорговцев, за рисунки сына давали по полтиннику. Этот факт произвел на него большое впечатление. Один рисунок - полтинник, а двенадцать картинок приносят шесть рублей! За двадцать пять рублей можно купить коровенку...

Хорошенько все обмозговав, отец махнул на сына рукой - пусть рисует, глядишь, какой-нибудь толк из этого и выйдет. И Алексей Саврасов определился в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а там его дела пошли на лад.

Встреча с «неземным существом»

Софье Карловне, в девичестве **Герц**, в это время давно пора было быть замужем, но все не складывалось: девица она была видная, но с норовом. Барышня выросла в весьма приличной семье: у отца были завод по распилке красного дерева, мебельная фабрика и большой каменный дом. И много детей - три сына и три дочери. Родители дали им всем прекрасное образование.

Предки Софьи Карловны по отцу перебрались в Россию из Швеции. Отец ее матери был известным московским архитектором: он построил первый кадетский корпус. Брат Софьи учился вместе с Саврасовым - он и пригласил приятеля в их дом. Стройная улыбчивая барышня показала Алексею красавицей. Его, привыкшего к дешевым квартирам, пропахшим шами, поразил двухэтажный особняк с широкой внутренней лестницей, хрустальными люстрами, картинами, лаковым паркетом, дорогой мебелью и вышколенной прислугой.

Он не знал, как сесть и взять чашку, не умел разговаривать с барышнями и чувствовал себя олухом. А когда чай был выпит, все перешли в гостиную, и Софья села за рояль (позже ему объяснили, что она играла вариации на темы Моцарта), Алексей Саврасов почувствовал, что у него кружится голова. Это был необыкновенный вечер, а барышня Герц казалась ему неземным, волшебным существом.

Так началась его любовь - не слишком пылкая, но удивительно крепкая. Через восемь лет Алексей Саврасов, только что ставший преподавателем Училища живописи, ваяния и зодчества и титулярным советником, повел Софью Герц под венец. Он тогда был удачлив, несколько лет назад ему присвоили звание академика живописи, а ее жизнь шла по одному и тому же кругу: Софья Карловна и ее сестры преподавали в принадлежавшем им пансионе. Помещался он в родительском доме.

Позади осталась пора неловких ухаживаний, встреч на даче в Кунцеве, разговоров ни о чем. Он мог обеспечить семью, и Софья пошла за него с радостью: прощайте, пансион и до смерти надоевшие ученицы, теперь отвечать за ее судьбу будет ее муж. Он талантливый художник - об этом говорят все, недаром его сразу после училища заметила дочь государя, великая княгиня Мария Николаевна. И человек он хороший - добрый, порядочный, обязательный.

У нее будет какое-никакое положение: жена известного художника. А это немало - особенно если учесть, что Софья была на четыре года старше мужа и обвенчалась с ним в таком возрасте, когда злые языки называют засидевшихся в девичестве барышень старыми девами.

Щелчок по носу

Первые годы все у них было хорошо, ничего тревожного не происходило.

Казенная квартира, в которой Саврасов жил с семьей, была тесноватой, с низкими потолками, кухня располагалась внизу, и Матрене, прислуге на все руки, приходилось

снова с блюдами туда-сюда по лестнице. Но это был их дом, обустроенный и любимый, поэтому решение совета училища - освободить квартиру - выглядело оскорбительным. К тому же оно наносило непоправимый удар по семейному бюджету: училище платило Саврасову 600 рублей в год, плохонькая квартира обойдется в 250, а где их взять?

Алексей Кондратьевич не понимал, за что с ним так обошлись: секретарь совета сказал, что у него мало учеников, но ведь это дело наживное. Вот только поправить уже ничего не удастся: сейчас в его классе пять учеников, на следующий год, глядишь, станет пятнадцать - но квартиру-то все равно не вернут.

Софья Карловна командовала Матреной, завязывала вещи в узлы, дулась и чувствовала себя глубоко несчастной - здесь все было обустроено ее руками. Куда девать заполонившие все подоконники цветы, оплетший дверные карнизы плющ - она приспособила его вместо занавесок

Она сердилась, что ее муж неисправим. Все бы хорошо, если бы не его неумение ладить с людьми: что ему стоило быть поприветливее с секретарем совета Московского художественного общества господином **Собоцинским**? Теперь семейный бюджет усок почти наполовину, сумеет ли Алексей залатать эту дыру выручкой от продажи своих картин? Конечно же, нет. Он ведь не портретист, а кому сейчас нужны пейзажи? Заказчиков можно пересчитать по пальцам, хорошие деньги дает только Третьяков.

Случилась катастрофа, и как с ней справиться, Софья Карловна не понимала. Тем не менее, она приглядела квартиру в доме князя Друцкого - выходило дороговато, зато комнаты были очень приличными....

А Саврасову мешали думать унижение и злость: жизнь в первый раз незаслуженно и больно щелкнула его по носу, и он не желал с этим мириться. Ведь до сих пор она его баловала...

Ярославский мираж

Когда муж сообщил ей, что собирается взять в училище пятимесячный отпуск и вместе с семьей уехать на зиму и весну в Ярославль писать пейзажи, Софья Карловна не особенно протестовала. В декабре они выехали из Первопрестольной. В Ярославле они устроились превосходно. С утра муж уходил на этюды, к обеду возвращался домой. Темнело рано, и они зажигали керосиновые лампы, долго сидели за чаем, сумерничали, разговаривали.

В январе морозы спали, и Софья Карловна выходила с дочерьми на прогулку по крутому волжскому берегу, не обращая внимания на по-весеннему сырой, пронизывающий до костей ветер. Муж просил ее быть осторожнее, но ветер свое дело уже сделал - Софья Карловна стала покашливать.

Размеренную ярославскую жизнь портило лишь то, что она была миражом, и оба это понимали. Пройдет зима, минует весна - и наступит пора возвращаться в Москву, а там все пойдет по-прежнему....

К тому же было то, о чем супруги не говорили: их первая дочь, родившаяся через год после свадьбы, умерла. Умер сын **Анатолий**, умерла и другая дочь, маленькая **Надя**. Как пройдут очередные роды? Что станет с ребенком? Тревога не отпускала, и не напрасно.

В феврале Софье Карловне подошло время рожать, и тут кашель перешел в жестокую простуду с лихорадкой и высокой температурой. Роды оказались преждевременными. Мать ярославские врачи спасли, но девочка прожила всего несколько дней - так Саврасовы потеряли своего четвертого ребенка.

Картина стоимостью в годовой заработок

Когда наступила весна, Алексей решил оставить семью в Ярославле и забраться в настоящую медвежью глушь. Софья недоумевала, но муж настоял на своем: в соседней Костромской губернии в глухом селе около уездного города Буй, он забудет о потере. Рыхлый снег, темные голые деревья - вот лучшее из лекарств, другого ему не надо. Саврасов остановился в селе Молвитине, начал работать над этюдами.

В Ярославль он вернулся довольным - картина должна получиться. Но о том, что «Грачи прилетели» станут главной работой его жизни, он, разумеется, не догадывался. Третьяков дал за «Грачей» шестьсот рублей, и Саврасов очень обрадовался - еще бы, в училище он столько зарабатывал за год!

Спокойная ярославская жизнь осталась в прошлом: они вернулись в Москву, и старые проблемы навалились с новой силой. Денег не хватало. Он в училище почти пятнадцать лет и по-прежнему в должности младшего преподавателя - шансов на повышение нет. На просьбу дать ему еще и акварельный класс совет ответил отказом. Значит, придется больше работать и искать заказы на картины, бегать по урокам из одного конца Москвы в другой...

И он, как мог, боролся с обстоятельствами: писал картины, преподавал. Коллеги его ценили. Саврасов вошел в правление Товарищества передвижных художественных выставок, вскоре стал кассиром-распорядителем его московского отделения.

Через несколько лет он попытался вернуть злополучную казенную квартиру и написал в совет училища безупречно составленное прошение: теперь-де у него много учеников, и он снова достоин казенного жилья. Ему отказали и тогда, и через год, когда он повторил свою просьбу.

Обманутые ожидания, несбывшиеся мечты...

Саврасов всегда отличался богатырским здоровьем и пил, не пьянея. Впрочем, в былые времена водка его не занимала: мог между делом за дружеским разговором пропустить рюмку-другую. Нынче все изменилось: теперь он без выпивки не обходился. Самое скверное, что это перестало быть потаенным: очень скоро о грешке художника узнала вся Москва.

Саврасов ездил по урокам. Когда они заканчивались, его, известного художника, академика и кавалера орденов Святой Анны и Станислава, приглашали к столу. На столе стоял графинчик холодной водки, а то и ямайский ром. В былые времена он бы от них отказался, в недавние - выпил бы рюмку и откланялся. Но теперь Саврасов выпивал все и сразу же пьянел, а захмелев, нес околесицу, порой даже оскорблял хозяев. Уроков становилось все меньше, меньше водилось и денег в доме.

Сначала взаимное отчуждение в семье было почти незаметным - просто супруги устали друг от друга. Тринадцать лет брака - не шутка, к тому же «чертова дюжина» - плохое число... Саврасов все чаще жаловался на жизнь и жену

Позже Софья Карловна часто задавала себе вопрос: когда случилось непоправимое, и их мир разлетелся вдребезги? Но такие мысли стали приходить в ее голову не скоро - в конце жизни. Она убеждала себя в том, что ее вины тут нет. В самом деле, разве она не была Алексею верной, любящей, заботливой?

И не ее вина, что муж считал себя неудачником. Да-да, дело именно в этом: он был слишком неуступчив и горд и ни с кем не делился своими переживаниями. В молодости много обещал, да не оправдал ожиданий и не мог себе этого простить. А к его упрямству она привыкла и на свой лад даже была счастлива - у них подрастали дочери, **Вера** и **Женни**.

Старшая дочь Вера была уверена, что мать, знающая три языка, могла бы помочь отцу и начать работать - давать уроки. Но Софья Карловна считала, что дочь, по своему обыкновению, несет вздор. И все чаще выходила из себя: побочные доходы иссякали,

прожить на шестьсот рублей в год было затруднительно. Правда, у нее имелись собственные деньги - те же шестьсот рублей в год ей давал брат.

Софья Карловна решила отдохнуть от мужа и весной 1876 года уехала в Петербург, к сестре Аделаиде, жене преуспевающего художника **Михаила Ильича Бочарова**, известного в Петербурге академика. Он писал декорации для столичных театров, ставил «живые картины» в императорских дворцах, и его семья жила безбедно. Аделаида и в грош не ставила своего благоверного, женившегося на ней из-за приданого, и открыто жила с любовником - Бочаров дневал и ночевал в своей мастерской.

Софья Карловна, Верочка и Женни задержались в Петербурге и на лето.

Алексей сообщил жене, что переехал к своему приятелю, художнику **Колесову**, известному на всю Москву кутиле, а затем замолчал. Попросив деньги на дачу и башмаки девочкам, Софья нарвалась на отказ: Саврасов ответил, что у него нет ни копейки. Вскоре она вернулась к мужу.

Необъяснимый поступок

Саврасов изо всех сил старался начать новую жизнь, пытался бросить пить, и в конце концов, совершил поступок, который было сложно объяснить: он снял прекрасную квартиру во дворе Училища живописи, ваяния и зодчества. Квартира стоила семьсот рублей в год, и Саврасов подписал контракт на три года. Внес задаток, семья переехала, но уже через четыре месяца договор пришлось расторгнуть - платить за шесть больших комнат с кухней и погребом оказалось нечем.

Художник снова начал прикладываться к рюмке, и Софья Карловна, взяв дочерей, уехала от мужа. Теперь он был волен делать все, что хочет.

Саврасов все реже появлялся на занятиях в училище, а когда его там видели, ученики испытывали неловкость: мэтр, прежде всегда безупречно одетый, перестал походить на себя. Заношенная блуза; вместо галстука - завязанный на голой шее бант; брюки, которые не гладили со времен пожара 1812 года; на ногах опорки; потертое пальто...

Иногда он бывал пьян, и тогда нес восторженную ахинею, хвалил работы учеников, удивлялся тому, как далеко они продвинулись за то время, пока он их не видел.

...И все же молодежь любила Саврасова: причисленные к ландшафтному классу **Исаак Левитан** и **Константин Коровин** до конца жизни считали себя его учениками.

«Кругом темный, страшный подвал, и я там хожу...»

Так продолжалось несколько лет, и 8 июня 1883 года, на двадцать шестом году службы в училище, Саврасов получил официальное письмо. Он вскрыл конверт:

«Господину преподавателю Училища живописи, ваяния и зодчества, академику, надворному советнику Саврасову...Имею честь уведомить, что 22 мая сего года вы уволены от ныне занимаемой должности...Секретарь Совета Лев Жемчужников...»

Письмо упало на пол, Саврасов тяжело опустился в потертое плюшевое кресло. Вот и все, теперь у него одна дорога - на дно...

С той поры его часто видели у московских трактиров - в ватной кофте, широкополой шляпе и дырявых калошах на босу ногу. Как-то Саврасов встретил своего бывшего ученика, Константина Коровина, обрадовался ему и завел в трактир, пообещав угостить кулебякой: *«Это ничего, что я так одет. Не обращай внимания, сегодня у меня есть деньги».*

Коровин на всю жизнь запомнил то, что за кулебякой и рюмкой водки говорил мэтр: *«Всем чужие мы, и своим я чужой... Дочерям чужой. Кругом темный, страшный подвал, и я там хожу...»* На прощание Саврасов сказал: *«Пойми, я полюбил горе. Полюбил унижение».*

Они увиделись еще раз: как-то Коровин заболел, и Саврасов пришел его навестить, принес немного кровяной колбасы и горячие бублики. Он жил как птица небесная, скитался по дешевым квартирам и ночлежкам. Иногда поклонники снимали ему приличную квартиру с мастерской, но он там не задерживался.

Деньги на жизнь Саврасову приносили бесчисленные копии «Грачей». Еще он писал зимние виды, летние и морские пейзажи - в эти годы Саврасов попал в руки ловкого торговца картинами, крепко державшего его на крючке: в продажу они шли бойко, но за свои работы художник получал копейки.

А самым страшным было то, что к нему приближалась слепота: окружающий мир тускнел, расплывался, грозил исчезнуть...

Иногда Саврасов навещал жену и дочерей. Огромный, сутулящийся старик в лохмотьях, заросший длинной седой бородой, приходил в их маленькую ухоженную квартиру, и женщины терялись под его немигающим взглядом - им было невдомек, что Алексей Кондратьевич начал слепнуть.

Они пили чай с сушками и молчали - говорить было не о чем. Что толку вспоминать те времена, когда жизнь улыбалась им с Софьей, и они на казенный счет, полагающийся ему как подающему большие надежды художнику, отправились в тур по Европе, побывали на Всемирной выставке в Лондоне, повидали Париж, задержались в Швейцарии? Теперь они чужие друг другу, и только провожающие отца в прихожую дочери прижимались к нему, гладили по плечу. Ради этого Саврасов и проводывал свою бывшую семью.

Чудеса случаются редко, но иногда все же происходят

Однажды Саврасов встретил молодую, тридцатилетнюю женщину - ее звали **Екатериной Матвеевной**. Иностранных языков Екатерина **Моргунова** не знала и едва ли умела писать и читать, за душой у нее не было ни гроша. Но она полюбила старого, больного, слепнущего художника, и у Саврасова появился наконец постоянный кров. И та, которая о нем заботилась.

У них родились двое детей, мальчик и девочка. Оба впоследствии окончили Строгановское училище, дочь Надежда стала учительницей рисования.

Пока же до этого было далеко: маленькие Алексей и Надежда играли возле застеленной рваным покрывалом кровати, на которой лежал их отец, в углу пылились кисти и мольберт. Саврасов наполовину ослеп и больше не рисовал, к тому же он почти не вставал с постели.

И все же жизнь продолжалась: рядом были дети, а Екатерина уверяла, что до встречи с ним она не знала, что такое счастье. Ради них он и жил, оставив чуть не погубившую его привычку к спиртному. Он не думал о том, что о нем говорят в большом мире. Какое дело 67-летнему человеку было до того, помнят или забыли художника Саврасова?

Запоздавшее признание

Но после его смерти выяснилось, что Саврасова помнят. Когда старый художник в 1897 году умер в больнице для бедных на Калужской улице, московские газеты запестрели некрологами, а в изгнавшем его Училище живописи, ваяния и зодчества состоялась торжественная панихида, и директор, князь Львов, произнес проникновенную речь.

В день похорон Саврасова в училище отменили занятия, а его бывший ученик, знаменитый Исаак Левитан, вскоре напечатал в «Русских ведомостях» большую статью. Левитан писал, что Саврасов «создал русский пейзаж», вслед за ним и другие стали называть его художником огромного дарования.

Старшая дочь Саврасова до конца жизни не могла простить себе, что они с матерью и сестрой отвернулись от отца. Позже Вера напишет, что их оттолкнула от него бедность, в которой они жили:

«В борьбе за существование он изнемог и, не имея со стороны семьи крепкой моральной поддержки, стараясь забыть от жизненных невзгод, начал пить, погубил этим себя, свой талант, разрушил семью...»

Ее судьба сложилась странно: Вера стала гражданской женой немолодого художника Михаила Бочарова, которого увела у собственной тетки. Ее ждала долгая, трудная жизнь. Оставшись после смерти мужа без средств, экономя каждую копейку, чтобы дать образование сыну, Вера часто вспоминала отца - и жалела о том, что ей так и не удалось попросить у него прощения...

Литература:

1. **Александров А.** Алексей Саврасов/ Алексей Александров. Бедный гений// Караван историй.- 2011. - №8.- Стр. 220-231.
2. **Дмитриенко А.Ф. Кузнецова Э.В. Петрова О.Ф. Федорова Н.А.** 50 кратких биографий мастеров русского искусства. - Ленинград, 1971.
3. **Добровольский О.** Саврасов. М.: Терра-Книжный клуб, 2001.
4. **Новоуспенский Н.** Алексей Кондратьевич Саврасов. - Л.-М.: Издательство «Искусство», 1967.
5. **Петров В.** Алексей Саврасов. М.: Белый город, 2000.
6. **Петрова О.Ф.** 50 биографий мастеров русского искусства.- Ленинград, «Аврора», 1971.
7. Саврасов// Художественная галерея: Полное собрание работ всемирно известных художников.- 2006.- №81 - 31с.
8. <http://alexey-savrasov.ru> - сайт о художнике А. Саврасове.